

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой,

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит. Александр Сергеевич Пушкин.

Царскосельская статуя

Чуда не вижу я тут.

Генерал-лейтенант Захаржевский,

В урне той дно просверлив, воду провел через нее. Алексей Константинович Толстой. Заметки на полях при чтении «Царскосельской статуи»

Начинать писать после длительного перерыва так же тяжело, как выходить из длительного, скажем интеллигентно, застолья. Это мой афоризм. И я знаю, что говорю. Но перерывы в писании необходимы.

Необходимо и в шахматы играть (любителю) с перерывами. Неоднократно отмечал, что после перерыва играю лучше. Но было это в молодости. Теперь никакие перерывы не помогают — играю все хуже и хуже. Как и пишу. Увы, это относится и ко всем моим сверстникам, которые еще живы.

По поводу талантливых художников чаще всего чудится, что и все их жизненные трудности, несчастья, катастрофы хороши были и даже необходимы для развития и углубления их талантов. И редко приходит потребителям их продукции в башку, что, вполне возможно, без тягот и потрясений их талант расцвел бы куда гуще, и глубже, и светлее.

«...После войны в Ленинграде было создано Центральное литературное объединение при Союзе писателей, которое возглавляли два человека — прозаик Леонид Николаевич Рахманов и моя любимая тетка Маргарита Степановна Довлатова, в те годы — старший редактор издательства „Молодая гвардия“. Причем основная идеологическая нагрузка ложилась именно на нее, поскольку Рахманов был беспартийным, а моя тетка — давним и более-менее убежденным членом партии. Рахманов был известен как очень культурный, благородный и доброжелательный человек, а о своей родственнице мне говорить куда сложнее. Я знаю, что она была из числа так называемых „прогрессивных редакторов“ старалась удержаться в своей работе на грани дозволенной правды, восхищалась Пастернаком и Ахматовой, дружила с Зощенко, который в свою очередь относился к ней весьма дружески, о чем свидетельствуют уважительные и даже ласковые автографы на его книгах...

Могу сказать, что заседания ЛИТО проходили в абсолютно неформальной обстановке, с чаем, а то и с вином, которое, впрочем, еще не употреблялось тогда в столь безбрежном количестве, как в пору моего литературного становления. Из этого ЛИТО вышло несколько таких заметных писателей, как Виктор Голявкин, Эдуард Шим или Глеб Горышин, один кумир советского мещанства — Валентин Пикуль и два моих любимых автора — прозаик Виктор Конецкий и драматург Александр Володин.

Ни моя тетка, ни Леонид Рахманов не были влиятельными людьми, так что, пробивая в печать труды своих воспитанников, они обращались за помощью и содействием к Вере Пановой или Юрию Герману. Оба маститых писателя, и особенно Юрий Павлович Герман, уделяли много времени и сил возне с литературной молодежью...»

С. Довлатов. Мы начинали в эпоху застоя. Петербургский литератор. Декабрь 1992.

В мое время — вторая половина пятидесятых — никаких вин и чаев на занятиях литобъединения уже не было и в помине. «Мой дорогой и милый друг!

Лучший из людей! Благословляю тебя, скотина паршивая, спасибо тебе за доброту твою и ласку. „Бог создал женщину слабой, чтоб научить мужчину нежности.“ Так написал веселый и умный Джером.

А слабость моя на этот раз выразилась в том, что я зарыдала, когда из твоего конверта выпала розовая десятка. Так что же ты делаешь, осина ты этакая?!

28 августа дважды, харкая кровью, горбато добралась в Пушкине до автомата, линия Пушкин — Таллин безнадежно занята, надо проскочить где-нибудь в 2–4 часа ночи, чтобы выmaterить тебя на высоком уровне.

Ну как вернуть тебе десятку, в какие моря? Конечно, я их истратила, сколько же можно было на них умиляться! Но больше не делай этого никогда. Другое дело подарить старухе „Жигули“. Словом: оставь нас, гордый человек. Мы робки и добры душой, ты зол и смел. Оставь же нас, прости, да будет мир с тобою...

Кстати — еще об Александре Пушкине, — когда я была молода и прекрасна, один дерзкий обожатель написал мне письмо с такими строчками: Кобылица молодая, Честь кавказского тавра... Погоди, тебя заставлю Я смириться подо мной!

В г. Пушкине я больше всего другого читала Джерома — давно не брала его в руки. И вычитала про тебя, который „музыцировал, перебирая струны арфы пальцами ног“. Так и вижу над этим благородным инструментом богов твою рожу, искаженную творческими и техническими трудностями. И ноги, которые пахнут ладаном.

Ты упрекаешь, — мало, мол, пишу... Ведь всю жизнь обстоятельства высоким чугунным забором стоят между моей бедной авторучкой и бесчисленными обязанностями. Больной муж, сын, который не получил от бога путеводной звезды и пожизненная моя влюбленность в чужие таланты. А ведь так хочется писать, прямо сердце лопается.

Год 1974 Твоя Маро Довлатова».

Репортаж с одного рядового занятия литобъединения:

«Ковбой соскочил с мустанга, подвел его к могучему кактусу и набросил повод на выдающуюся колючку. Мустанг мотнул головой, покосил бешеным глазом и растопырился. Могучая струя шафрановой мочи ударила из мустанга в пересохшую, растрескавшуюся от зноя мексиканскую прерию. Ковбой ласково потрепал мустанга по гибкой, лебединой шее. Ковбой знал, что перед решающим боем за мексиканскую революцию его верный друг должен был быть, как говорят на флоте, в готовности № 1. Лишний балласт в бою только мешает. Перегруз наших линкоров при Цусиме сыграл с царской Россией злую шутку. Она кончилась революцией похуже мексиканской, потому что линкоры — это вам не мустанги...»

Это писал я. А за обшарпанным канцелярским столом в комнатке без окон на задах издательства «Советский писатель» на пятом этаже Дома книги (б. Зингера) сидел полосатый от вечной тельняшки Валька Пикуль и читал членам элитного литературного объединения молодых писателей Ленинграда свой рассказ о революции в Мексике в... году. Никто из нас, включая автора, ни истории освобождения Мексики, ни того, свободна она ныне или нет, не знал.

Витька Курочкин заглядывал мне в бумажку с текстом пародии, которую я писал

одновременно с заслушиванием пикулевского опуса. Потому Витька фыркал в самых трагических местах. Особенно когда Валька вскакивал от творческого волнения со стула и поддегивал брюки. У него на всю жизнь сохранилась манера поддегивать брюки таким образом, как это делают деликатные люди в гостях, если им невыносимо хочется по малой нужде, но не хватает смелости поинтересоваться координатами мест общего пользования.

В продавленном кресле в углу полутемной комнатенки сидел наш руководитель Леонид Николаевич Рахманов, рафинированный интеллигент, матерый драматург, сценарист и прозаик. Ему было еще далеко до собственной «беспокойной старости». Он был строг и, когда Витька прыскал, нарушая творческую сосредоточенную тишину аудитории, говорил: «Виктор Александрович, прошу вас!». Рахманов называл нас по фамилиям или по имени-отчеству. Об истории мексиканской революции, мне кажется, не подозревал и сам Рахманов, автор революционной пьесы про радостное прозрение русской научной интеллигенции после векового сна уже под дулами матросских наганов.

Валька закончил чтение и начал собирать листки рукописи в папку, стараясь скромно не глядеть в глаза кружку молодых сочинителей. Он уже был автором двухтомной эпопеи «Океанский патруль», а у нас было по одному рассказику или вовсе еще не было напечатанных.

— Вот тут у тебя сказано, что на мустанге был повод, — начал обсуждение Витька Голявкин. Он всегда был смелым, ибо имел разряд по боксу и уже чуть не вылетел из Академии художеств за художества как на холсте, так и в жизни. — А где уздечка?

— Не лови блох! — сказала Ричи Достян. Она умудрилась родиться в 1915 году в Варшаве. Ричи писала нежную прозу, была роковой красавицей, знала об этом и прикрывалась требовательной резкостью. — Рассказ мне понравился. Особенно там, где герой, э... Как его звать, Валя, я запомнила?

— Ты «Кармен» читала или хотя бы слышала? — спросил всегда угрюмый Боб Сергуненков. — Вот оттуда Валька и взял имя героя.

Перед появлением в нашем объединении Сергуненков перегонял стада овец то ли из Монголии в Китай, то ли из Китая в Монголию.

— Ромео его зовут, — сказал Глеб Горышин. Они вместе с Бобом появились сравнительно недавно, работали где-то или когда-то в одной районной газете в Сибири или на Алтае и на заседаниях держались рядом.

— Да, Ромео, — сказала Ричи. (В Тбилиси она закончила курс университета по изучению наири-урартской культуры, после чего работала над дешифровкой халдейской клинописи в Грузии и в Армении. Всю войну проучилась в Литературном институте имени М. Горького.) — Вот там, где Ромео оказывается окруженным реакционными индейцами, но не теряет присутствия духа — это просто эпическая сцена. Хотя конец, мне кажется, немного затянут.

— Дерьмо собачье! — сказал Витька Курочкин. Он имел право на такую прямоту, ибо дружил с Валькой нежно и печально.

— Виктор Александрович, прошу вас! — строго сказал Леонид Николаевич, перекидывая ногу на ногу в предвкушении интересного разбора нового произведения, нового и для него тоже. Домой наши рукописи он обычно не брал. Первый удар принимала на себя редактор-организатор объединения Маргарита Степановна Довлатова.

— А продолжение есть? — спросил я. — И вообще перечитай еще разок финал. Я не совсем врубился.

— Конечно, — сказал Валя. — А финал — пожалуйста! Продолжение тоже есть. Второй и третий том. Читаю финал.

«Бой шел к концу. Регулярные войска самозванного диктатора окружили горстку героических повстанцев. Раскаленное ядро ударило в бок мустанга Диего, задев шпору ковбоя. Тягостно запахло жареным мясом. Так пахнет на камбузе эскадренного миноносца, когда он идет в торпедную атаку противолодочным зигзагом под гордо развевающимся Андреевским флагом. Ядро пробило мустанга насквозь. Это была точка.

Никто из повстанцев не сдался.

Они сами предпочли смерть позору».

Аудитория терла лбы и чесала затылки, собираясь с мыслями. Юнга с Соловецких островов хранил ледяное спокойствие.

Литературная мама Пикуля — Маргарита Степановна Довлатова — протянула Вальке новую «беломорину». Одновременно она была и повивальной бабкой «Океанского патруля», нормально переписав за автора около тысячи страниц. Но это не значит, что Маро была добренькой:

— Валя, а вы сами бывали в Мексике? — спросила она, разряжая паузу и отлично зная, что кроме Баренцева моря и Обводного канала автор нигде не был.

— А зачем? — в один затяг спаливая до мундштука папиросу, поинтересовался Валька. — Повару, чтобы сварить суп, не обязательно в нем побывать.

— Товарищи! Внимание! — строго сказал Леонид Николаевич и чихнул три раза подряд. — Простите, это меня опять где-то просквозило. Начинаем серьезное обсуждение. Виктор Александрович, вы что-то хотели сказать?

Курочкин:

— Все-таки я не прав. И прошу прощения за импульсивный порыв. Это просто была эмоциональная реакция. Произведение зримо и художественно сделано. Я ведь видел, слушали все внимательно. Язык, конечно, не очень хорош. Но сюжет занимателен. Хорошо описаны образы Диего и Бабазилио. Несмотря на авантюризм, Пикуль показал жизнь стран Южной Америки правдиво. Замечательно подмечена разница между богатым южноамериканским скотоводом и бедным. Пикуль сумел показать обстановку этой драмы. Если б Пикуль даже и сам был в Южной Америке, то никто никогда не смог бы упрекнуть его в неточностях.

Аскольд Шейкин (1924 г. р. Окончил географ. факультет ЛГУ. Первая книга «Письма любимой». Вторая — «История колхоза „Россия“»):

— В целом — я «за». Мы, писатели, робки, так как не касаемся в своем творчестве, например, африканских тем. Надо писать о всех материках мира. Между прочим, Мексика находится в Северной Америке.

Эмиль Офин (1911–1978. Окончил Автодорожный институт. Работал шофером. Прозаик, детский писатель. Я у него купил первую в жизни пишмашинку — немецкая трофейная «Эрика». Он ее из Германии привез в победном 45-м. А потом она прошла со мной по всем морям и океанам: в огне не горела, в воде не тонула, ибо у фрицев отслужила всю войну на передовой — в ротной канцелярии):

— Рассказ Пикуля и очень понравился, и очень не понравился. Рассказ талантлив. Именно из-за этой талантливости я упрекаю Пикуля за кражу сюжета из итальянского фильма «Под

небом Сицилии», так как и там есть судья, который отказывается от всякой социальной истины. И еще — основной сюжетный ход, который перевернул все нутро Ромео, — это гибель коня. Поэтому у Пикуля отсутствует момент истинной революционности, хотя он и хотел наоборот.

Далее Эмиль говорит о пользе знания автодела, даже если герой ездит на мустанге. Еще около трех минут рассуждает о способах приторочивания ружья к седлу.

Надежда Верховская (о ней еще будет ниже):

— Я не люблю, когда люди заражаются темой не от земли, а от литературы. У Пикуля очень много условностей. Идею же богатства рассказа в том, что сама жизнь заставляет Ромео идти в революцию. А свист Бабазилио в финале слишком условен, я же люблю конкретность.

Банк Наталья Борисовна (окончила филфак ЛГУ в 1956 г. Ныне известный критик):

— Да, главное в том, что этот Ромео, простой южноамериканский человек, становится в душе интеллигентом с большой буквы. Поэтому обязательно надо сделать ему одухотворенную подругу. Вероятно, придется отдать жену Бабазилио. Пусть он и не знает, что это жена его друга. Еще добавлю. У Пикуля все выглядит современно, так как в глухих углах пампасов, судя по бразильскому фильму «Текут мутные воды», все так и есть. Диего, убежав от борьбы в Испании и став полицейским в Южной Америке, простите, — в Северной, все-таки приходит к жизни духа. И вот этого нет ни у Брет Гарта, ни у других таких писателей.

Александр Володин, президент-председатель Совета литобъединения:

— Когда человек падает с шестого этажа, он почему-то всегда кричит: «А-а-а-а...». Сейчас я провожу значительную часть жизни в женских общежитиях на проспекте Обуховской обороны. Собираю материал для пьесы, потому что мне очень не нравится моя проза. И через меня недавно прошло очень много разных заводских женщин, продавщиц из овощных магазинов и даже кассирши из мясных лавок. И я уточнил, что когда падает с шестого этажа по-настоящему храбрая, нравственно чистая фабричная девчонка, то она кричит не «А!» Нет! Она кричит: «Б-б-б-б!..» И, мне кажется, жена Бабазилио в сцене изнасилования не будет шептать: «Ай!» — как у Пикуля. Ей надо подобрать другой звук. Этим я ни в коем случае не хочу обидеть Валю. Валя, ты не обиделся?

Довлатова:

— Нет, нет, Александр Моисеевич, не беспокойтесь, он не обиделся.

Володин:

— Большое спасибо вам, Маргарита Степановна! И тебе, дорогой Валя, спасибо. Теперь у меня на душе стало спокойно и светло.

Курочкин (с места):

— Валька, богом прошу! Убери мочу у мустанга!

Пикуль:

— Да иди ты к...

Рахманов:

— Валентин Саввич, прошу вас!

Надежда Верховская:

— Человек на такой сложной теме может и имеет право уйти в экзотику. Но, конечно, надо вдуматься, здесь же тема освобождения от колониализма. Очень нужная. Символы хорошо даны — в пожаре над пампасами, песочно-солнечной пыли среди кактусов. Через это Пикуль ненавязчиво показывает накал политической жизни во всех Америках. В финальной грозе над пампасами — символ будущих изменений этого угнетенного континента. Рассказ Пикуля очень живен по краскам и хорош. Я за то, чтобы мочу оставить.

Вадим Инфантьев (о нем тоже будет ниже):

— Я полностью не согласен с Наташей Банк. Есть тут что-то от Олдриджа и Фаста. В то же время мы не можем отнести произведение Пикуля к миру этих писателей. Категорически предлагаю Пикулью не конкурировать с буржуазными писателями, даже если они коммунисты.

Голявкин:

— В Южной Америке дикие страусы не водятся.

Валя Левидова (окончила юридический факультет ЛГУ в 1947 г. Прозаик, драматург):

— Я слушала и даже не знала, где нахожусь: в своей комнате или в кино. Как в фильме «Нет мира под оливами», так все зримо!

Сергея Тхоржевский (в справочнике «Писатели Ленинграда», изд. 1982 года: «р. 1927. Ленинград. Прозаик. Окончил среднюю школу. В 1944–1952 жил на Севере. В 1950–1955 работал на комбинате „Воркутауголь“, в 1952–1955 — на предприятиях г. Каменска Ростовской обл. После возвращения в Ленинград сотрудничал в журналах „Костер“ и „Звезда“. Перевел с английского стихи Лонгфелло и Киплинга». В 1957 опубликовал первые два рассказа в альманахе «Молодой Ленинград»).

[Перевожу справку на общечеловеческий язык. «Окончил среднюю школу» — арестован семнадцати лет из десятого класса за ношение в школу запрещенных книг по русской истории. Авторами книг были его предки. Таскал он их из библиотеки отца. Сохранилась библиотека чудом, ибо отец был расстрелян. У меня есть книга Сережиного дяди С. И. Тхоржевского, эмигранта, «Стенька Разин» (исторический очерк). Петроград. Издательство Брокгауз-Ефрон. Прачешный, 6. 1923 год. Тираж 4000 экз.

«В 1944–1952 жил на Севере». С 44-го по 50-й сидел в тюрьме, включая Кресты.

«В 1950–1952 работал на комбинате „Воркутауголь“. На каторжных работах в угольных шахтах, где заработал туберкулез в острой форме».

«В 1952–1955 — на предприятиях г. Каменска, Ростов. обл.». В нормальной ссылке без права проживания в Ленинграде.

Прямой потомок Александра Пальма? о жизни и раздумьях которого написал и напечатал в 1971 году книгу.]:

— Прослушал сочинение Вали внимательно. Надежда Павловна Верховская права. Не следует эстетствовать. Надо помнить, что наши предки — это и Емелька Пугачев, и Стенька Разин, а не только Северянин. Тем более, моча у Пикуля талантлива — не хуже, чем даже у Михаила Александровича Шолохова. У меня все, хотя... — дико закашливается от табачного дыма, трет тощую грудную клетку, машет рукой и садится.

Рахманов:

— Сергей Сергеевич, я думаю, вы, гм, все-таки, гм, несколько преувеличиваете, гм... Имею в виду сравнение с автором «Тихого Дона».

Довлатова:

— Вне всякого сомнения.

Игорь Кузьмичев (в дальнейшем — редактор многих моих книг. Был тайно влюблен в Аллу Ларионову, ибо один раз видел ее на «Ленфильме». Тайну не знал только Александр Володин):

— Согласен со всеми точками зрения, высказанными здесь. На этом свете все не так просто, как иногда кажется. Поддерживаю Наташу Банк: надо прибавить духовности жене Бабазилио.

Я:

— В пампасах еще не был. Но и Диего чувствует себя там плохо, ясно поняв, что главное — это не спасение скота, для которого он туда приехал...

Пикуль:

— Сам ты скот! Пиши свой пасквиль дальше!

Как-то на втором году моего пребывания в литобъединении Леонид Николаевич явился на занятие со своим неизменным портфелем, вытащил из него толстую пачку девственно чистой бумаги и объявил, что нынче обсуждения не будет. А всем нам следует взять по десять бумажных листиков и за два часа написать рассказ. Темы: «Пуговица» или «Первая любовь».

Наступила шоковая тишина, в которой мы разобрали бумажки и уселись кто где с выпученными глазами.

Такого удара ниже пояса от рафинированного интеллигента Рахманова никто, ясное дело, не ожидал.

Написать рассказ за два часа! Да еще о первой любви! Как скоро выяснилось, никто из членов объединения первой любви не знал или не осмелился ее тронуть.

Леонид Николаевич объявил еще, что рассказы он заберет с собой, а на следующем занятии все они будут зачитаны авторами, обсуждены и три лучших рассказа премированы.

— Приступайте, господа! — сказал Леонид Николаевич. — Время пошло!

В мертвой тишине и в состоянии психопатологической натужности мы взялись за ручки.

Первым сдал рассказ Голявкин.

Он написал «Пуговицу». И уложил рассказ в одну страницу!

Конечно, я перескажу Голявкина приблизительно — сорок лет прошло.

«У меня был дядя. Его фотография висела в красном углу на почетном месте. Вместо иконы. Каждый раз, когда мама доставала ремень, чтобы отметить поркой очередное мое хулиганство, она приговаривала:

— А вот твой дядя, — тут она показывала кончиком ремня на фото усопшего дяди. — Всегда учился на отлично, никогда не бросался камнями даже в открытом поле и никогда не висел на колбасе трамвая. Ты помнишь этого святого человека?

— Да, — соглашался я, хотя помнил лишь его пальто, и помнил только потому, что среди нормальных пуговиц на его черном пальто одна почему-то была от кальсон».

Витя стал победителем литературного турнира и получил трехтомник Маяковского.

Занятный рассказ написал Вадим Инфантьев. Это мы его так звали «Вадим», а он давно уже был Вадимом Николаевичем. Приходил иногда на занятия в форме инженер-капитана 2 ранга. Родился в 1921 г. в селе Титовское Томской области. Отпахал незначительную финскую в морской пехоте рядовым. В Отечественную дрался внутри блокадного кольца на фортах в тяжелой береговой артиллерии. Волевой мужик. Уже после войны закончил «Дзержинку» и Академию Крылова. Многожды раненый. Скромный. Помер рано — в 59 лет. Мы его и хоронили. И удивились, когда у могилы выстроился взвод почетного караула из курсантов «Дзержинки» и проводили его в могилу под трехкратный залп из винтовок. Про войну рассказывать даже под рюмку не любил.

А вообще байки травить умел. От него я впервые услышал знаменитый на флотах эпизод из жизни академика Крылова (сейчас он уже в фольклор превратился).

Еще до Великой Отечественной войны, в год, когда Сталин изобрел Сталинские премии, сразу нашлась группа талантливых прохиндеев — инженеров-кораблестроителей. Ну, тогда гремели челюскинцы, папанинцы — Арктика была в моде. И запроектировали инженерики архиледокол — длиной чуть не в милю, шириной в кабельтов и с парой сотен котлов, чтобы через полюс шляться без всяких-сяких. Назвали, конечно, проект «Иосиф Сталин». Деньги, естественно, нужны громадные. Доложили вождю, чертежи выложили. Ну, все знают, что вождь у нас был мужчина скромный. Посмотрел на все эти чертежи и говорит, что, пардон, но в этих делах не петрю, но вот есть у нас один еще с царских времен недобитый академик, член Английского общества корабельных инженеров со времен еще до революции 1905 года, пускай он изобретение завизирует. И Алексей Николаевич Крылов положил резолюцию: «До сей поры на Руси было два чуда — Царь-пушка, которая никогда не стреляла, и Царь-колокол, который никогда не звонил. Теперь будет третье чудо (уже советское) — ледокол „Иосиф Сталин“, который никогда не отойдет от причала». И, как я думаю, группа ведущих изобретателей — претендентов на Сталинскую премию прокатилась именно туда, куда собиралась отправить свой фантастический ледокол.

Не удержусь, вспомню здесь еще одну байку об Алексее Николаевиче Крылове. Он дружил с Иваном Петровичем Павловым, лауреатом Нобелевской премии, они любили гулять вместе.

Во времена Гражданской войны у Павлова с голодухи почли дохнуть собачки в Колтушах. Павлов отписал Ленину. Тот приказал посадить рефлексирующих собачек на спецпаек. Ну вот, встречаются очередной раз на прогулке два гения, и Алексей Николаевич говорит: «Иван Петрович, дорогой, возьми меня к себе в собачки!» А Павлов ему: «А вы, глубокоуважаемый, лаять умеете?..»

Вернемся к пацифисту Вадиму Инфантьеву. Он, не любитель военной темы, выдал лихой фронтовой рассказ.

Блокадная зима. На батарее форта установлены старомодные морские орудия. Они заряжаются снарядом, а за снарядом досылаются в казенник пакеты с порохом. Эти пакеты, конечно, защиты в специальную, похожую на шелк материю. Так вот, кончились пакеты, а немцы прут. Тогда матросики сообразили: постаскивали с убитых товарищей гимнастерки, штаны, кальсоны. Сами трамбовали порох и зашивали его в тряпье — уже от полного отчаяния, как вы понимаете. Опасались, конечно, что пушки поразрывает или снаряд дальше среза канала ствола не выплунется. Ан получилось наоборот. Дают залп по долговременным немецким укреплениям. А фрицы привыкли, что когда наши морячки с тяжелых кораблей или фортов бьют, то самое лучшее из-под огня уходить вперед, в атаку. И в тот раз так случилось.

Наши в бинокли пялятся и ничего понять не могут: вроде лупят фугасными, а на снежном поле фрицы валяются сотнями — как от осколочных. И как-то странно валяются — будто все вовсе пьяные от своего шнапса: упадет, покрутится, вскакивает, падла, и опять бежит, приплясывает какую-то лезгинку, но уже наяряивает обратно к себе в окопы. Короче, оказалось, что снаряды-то рвались там, где положено, а вот пуговицы, пряжки, якорьки всякие с одежек покойников-матросиков в полете от снарядов, ясное дело, отставали и били по живой силе. Немцы ничего понять не могут — с небес со страшной силой летит на них град всякой галантереи и весьма даже больно кусается.

Вот такую «Пуговицу» написал Вадим Инфантьев. Добротный рассказик — во всяком случае из пальца не высосешь! И получил вторую премию. А вторую только потому, что чуть время сдачи опуса просрочил. Я разделил первое место с Голявкиным. И получил в вечное владение «Испанский дневник» Михаила Кольцова. Наступили те времена, которые вошли в историю под названием «оттепель»: впервые напечатан расстрелянный Михаил Кольцов — друг автора «Оттепели» Ильи Эренбурга.

Приз я хранил свято. Он и сейчас на заветной полке:

«Виктору Викторовичу Конечкому, победителю литературного турнира, который состоялся 31 мая 1957 года на семинаре лит. объединения при издательстве „Советский писатель“.

Ст. редактор издательства М. Довлатова. Л. Рахманов».

Вопят огнями тишину

«Мой милый!

Моя личная жизнь сложилась в настоящий момент так, что мне за последнее время пришлось много ломать голову над тем, как жить дальше. Все, что сделано мною за эти годы дурного и обидного для хороших людей, окружающих меня, все это сделал не я, а — водка.

Я не знаю, что именно толкнуло меня в пору глубоких раздумий писать тебе. Очевидно, то важное обстоятельство, что в тебе я часто угадывал себя и в себе угадывал тебя. Мы, кажется, не плохие люди, и Бог дал нам то, что принято называть талантом. Жили же мы с тобой жизнью скотской, если исключить из нашей жизни то время, когда мы работаем.

Прости, сам не выношу нотаций, но если ты человек, то ты поймешь и не осудишь этот мой тон.

Был у известного профессора-специалиста. Плохо наше дело, брат! На моих глазах, за несколько лет, спились и пропали хорошие люди, куда талантливее нас с тобой. Очевидно, нужно иметь в душе нечто, без которого жить нельзя. И я не сомневаюсь, что это золотое качество мы имеем (чего боюсь сказать о Курочкине). Профессор сказал мне:

— Три-четыре месяца вы не должны брать в рот не только капельку вина, но даже пива. Если выдержите — вы спасены. Если же нет — вы станете частым гостем нашей больницы...

Страшные слова, брат. Видишь ли, можно было не ходить к профессору, как не ходят к ним тысячи и миллионы, можно жить и так, плюя на то, чтобы вокруг тебя говорили:

— А-а, это Пикуль (или: а, это Конечкий), парень не без искры, но пьет!..

Все можно! Но только лучше не надо. Пишу тебе сейчас от чистого сердца, желая и тебе и